

Шекспир в переводе г. Фета

Русские писатели о переводе: XVIII-XX вв. Под ред. Ю. Д. Левина и А. Ф. Федорова.
Л., "Советский писатель", 1960.

OCR Бычков М. Н.

Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой, с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик.

А. Фет ("Русское слово", No 2, Крит., стр. 76).

Мы выписали слова г. Фета о лирике с тем, чтобы заметить, что едва ли можно их приложить к хорошему переводчику драматического произведения.¹ В самом деле,-- едва ли должен браться за перевод Шекспира тот, кто чувствует себя в состоянии "броситься вниз головой с седьмого этажа, с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху". Хороший перевод требует терпеливого изучения и глубокого внимания к своим словам и к их соответствию с словами подлинника; лирические *salto mortale* с седьмого этажа тут *не* помогут. Вот почему мы нимало не удивились, когда, начавши читать перевод "Юлия Цезаря" г. Фета, с первых страниц увидели, что наш лирик не совсем удачно передал русской публике творение великого драматурга. Но, читая далее, мы уже не могли удержаться от удивления тому, с какою отвагою г. Фет совершает свои лирические падения с седьмого этажа, пренебрегая всеми условиями грамматического и логического смысла. Нам показалось, что г. Фет в своем "Юлии Цезаре" явился гораздо более лириком, чем сколько этого требовалось для перевода Шекспира. Без всякого ущерба для достоинства перевода он мог бы сохранить более благоразумия и удовольствоваться прыжками, например, из пятого или даже четвертого этажа, и притом не вниз головою. Это ему тем легче было бы сделать, что у него пред глазами был пример другого переводчика, г. Дружинина,² который совершил свое дело весьма солидно, и если иногда и прыгал с своим изящным стихом, то не более как из бельэтажа... Но г. Фету непременно хотелось хватить с *седьмого*, и непременно вниз головою и вверх ногами... Он остался верен своей лирической натуре, но нельзя не сознаться, что путешествие свое вниз головою совершил не совсем удачно, и если не сломал шеи себе самому, так зато пошатнул в глазах русских читателей здание шекспировской трагедии, несмотря на его вековую прочность. Мы убеждены, что читатели, не вполне знающие лирическую силу г. Фета, были повергнуты его переводом в крайнее недоумение относительно Шекспира: великий драматург был, конечно, принят ими за падающую башню, и они с ужасом отбежали от него на почтительное расстояние с искреннею клятвою никогда более к нему не приближаться. Но столь решительная клятва совершенно напрасна: Шекспир, в сущности, вовсе не так опасен для спокойствия духа здравомыслящего читателя, как является он в переводе г. Фета. Чтение и изучение его может доставить много эстетического наслаждения и принести действительную пользу нашей публике, которая вообще так мало еще знакома с классическими произведениями иностранных литератур. Если же чтение "Юлия Цезаря", напечатанного в "Библиотеке для чтения", производит в читателе некоторый ужас и чувство тоскливого недоумения, то вина такого эффекта должна быть приписана не Шекспиру, а г. Фету, на каждой странице по несколько раз бросающемуся вниз головою из седьмого этажа...

Оставив метафорический способ выражения, заметим, что г. Фет старался о сохранении верности своего перевода с подлинником. Но как он понимает эту верность? именно так, как должен понимать человек, летящий из седьмого этажа вниз головою, т. е. лирик. Он хлопочет только о том, чтобы сохранить *буквальную* верность и составить пятистопный ямб; эти два пункта составляют для него, так сказать, закон тяжести, вследствие которого он летит вниз, а не вверх. Остальное же все до него, можно сказать, не касается. И вследствие того происходят вот какие стихи в переводе.

Брут, заговорщик, рассуждая сам с собою о необходимости убить Цезаря, говорит: